

Н. Н. Златовратский

Золотые сердца

Повесть

Златовратский Н. Н. Деревенский король Лир: Повести, рассказы, очерки.

М., "Современник", 1988

Составление и примечания *Т. А. Полторацкой*

Вступительная статья *С. П. Залыгина*

OCR Бычков М. Н.

Глава первая

МОРОЗОВ

I

Как теперь вижу эту оригинальную, высокую, сутуловатую фигуру в смешном длинном сюртуке, застегнутом под самое горло на одну верхнюю пуговицу и затем на одну внизу, это умное, сердито-доброе, но вечно угрюмое лицо, обросшее черною бородой, которую нервно и безжалостно трепал он левою рукой в то время, когда правая непрестанно ерзала в образовавшуюся между незастегнутыми бортами сюртука пазуху, как будто он всегда искал чего-нибудь в боковом кармане.

Я сидел на завалине около житницы, в далекой деревеньке одной из великороссийских палестин, и тянул из крынки парное молоко. Он порывисто ошагивал, как часовой, мимо меня пространство в три сажени, сердито смотря в землю и изредка окидывая взором окрестную местность: "зады" крестьянских дворов, смотревших на нас развалившимися гумнами, поля с тощим хлебом, плохой лесишко, раскинувшийся беспорядочно сбоку вперемежку с кустарником и перелогом. Мой собеседник негодовал, но у меня,-- не знаю почему,-- не сходила с губ самая добродушная улыбка, каждый раз, когда я встречал на себе его негодующий взор. Его доброе лицо, к несчастью, никак не укладывалось в мину негодования, и из этого выходило нечто милое и смешное. Я хорошо знал его, и для меня не мог скрыться его недостаток -- неумение, при всем желании, лицемерить и владеть личными мускулами настолько, чтобы можно было скрыть природное добродушие. Он, казалось, знал это и часто сердился на свое лицо. "Черт знает,-- говорил он,-- что за рожа такая холуйская!.. Увидит станового -- и тотчас же изобразит: милости просим закусить!" Поэтому никакое начальство не было на него в претензии, как он ни силился изобразить из себя беспокойного человека.

Он был действительно прекрасной души человек и оригинал. Ему лет под тридцать пять. В его боковом кармане (к которому он, по случайной привычке, так часто отправлял на ревизию свою правую руку) лежало пять дипломов, выданных на разные ученые степени из разных высших учебных заведений. Он переключивал из одного в другое десять лет: кончив курс в Московском университете по юридическому факультету, перешел на второй курс математического факультета Петербургского университета; кончив здесь, перебрался на третий курс Земледельческого института, отсюда на третий курс Технологического института и уже здесь закончил свою студенческую карьеру, набив карман разными дипломами, как паспортами на свободный проезд по всевозможным карьерам. Этому помогли, конечно, его замечательный ум, бесподобная память и неимоверная энергия, с которой он переносил все невзгоды необеспеченной жизни. Он был сын мелкого конторщика на фабрике, совершенно случайно попавший в "приватные" ученики к одному экс-студенту, который выучил его грамоте. Этот же студент остался для него какой-то святыней на всю жизнь, хотя он его уже не встречал более по окончании своей учебной карьеры. Он говорил, что это был "великий ум, высокая душа", что он, Морозов, "недостойн развязать ремень" и пр. Запасшись столькими учеными дипломами, он тем не менее не придавал им никакого значения. "Все это было приобретено,-- говорил он,-- не более как ввиду кормления. Вышел я из университета, потолкался было в адвокатах, только что расцветавших тогда, да не показалось. Пошел в лесной институт, в расчете на стипендию; получил, кончил, поехал на завод: думал, по глупости, нечто совершить, да кончил тем, что женился на помещице, бросил место и уехал опять в Питер, на стипендию в технологический, ибо с женою было жить нечем. Мы с ней без позволения сошлись, так тятенька, осердившись, ничего ей не дал. Вот таким манером ради кормления и нахватал бумажонок..." После этого он странствовал по разным местам, был опять юристом, техником, лесничим, даже учителем, но нигде не